

ПОЛИТОЛОГИЯ

В. П. Макаренко¹

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ К СОПРОТИВЛЕНИЮ

Феномен политического отчуждения. Для анализа экономических, политических и идеологических измерений власти вообще, и российской в особенности, я разработал концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и гражданского сопротивления [1].

Феномен политического отчуждения есть следствие формирования государств и образует целостность интересов, властно-политических технологий и идеологий. В состав политического отчуждения входят: формы мышления, которые объясняют властные отношения экономическими, политическими, идеологическими и культурными факторами; толкование воли (единичной, особой, всеобщей) как основания власти; формы иллюзорной общности людей (семья, этнос, нация, корпорация, гражданское общество, партия, государство); преобладание групповой солидарности (примордиальной, этнической, национальной) над остальными; разделение государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную; властные формы политической, юридической и бюрократической софистики; государственные налоги, займы и долги; толкование государства и государственного управления обществом как «необходимого» или «естественного» процесса социальной жизни; специфические свойства лиц, осуществляющих власть и управление; типы вооруженных сил, полиции, дипломатии и госаппарата; мононациональный или полинациональный характер государства; способы освоения властью времени и пространства.

Указанные свойства политического отчуждения универсальны и отражаются в реальной истории и историографии стран, наций и государств. История любой страны есть конкретизация общих свойств политического отчуждения. В результате властная регуляция социальных отношений рассматривается как «объективный» процесс по типу природных и космических.

Власть как социальное явление есть непредвиденное следствие множества частичных действий множества частичных властителей. Это непредвиденное следствие вытекает из соперничества, борьбы и сотрудничества групп людей, располагающих средствами насилия и манипуляции. В состав средств насилия и манипуляции входят: грабеж, реквизиция, уничтожение имущества, убийство,

¹ **Макаренко Виктор Павлович**, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ.

заклучение в тюрьму, лишение воли, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление, иные методы физического и психического воздействия (террор, пытки, обман, клевета), правовые, экономические и социальные ограничения свободы индивидов и групп, отказ от сотрудничества, материальные вознаграждения и символические отличия, привилегии, коррупция, провокация и скрытая помощь.

Отношение властных действий к общему числу действий индивидов определяет меру гражданского отчуждения. Оно существует при любом государственном строе. Монополия на применение этих средств была и остается у государства, включая демократию. Поэтому демократия не является ни идеалом, ни нормой государственного устройства. Отказ от прямых методов физического насилия при демократии сопровождается культивированием опосредованных методов манипуляции гражданами, поскольку большинство им подвержено. Чем больше манипуляция входит в состав политической технологии государств, тем важнее учитывать уровень гражданского сопротивления.

Если власть с помощью насилия и манипуляции контролирует публичные действия, отношения, высказывания и мнения индивидов, наступает атомизация общества. В результате коллективные действия вне официально санкционированных форм становятся невозможными. Граждан как социальной группы не существует, они деклассированны, десоциализированы, маргинализированы. Так возникает социальная почва гражданского отчуждения. Оно существует при всех формах политического устройства общества, поскольку еще неизвестны такие государства, которые не используют насилие и манипуляцию.

Понятие гражданского сопротивления позволяет эмпирически измерить абсолютное и относительное количество граждан, не согласных с данной политической системой, политическим режимом и конкретными людьми, осуществляющими власть. Граждане могут культивировать мирные и вооруженные способы борьбы с властью (оппозиция, гражданское неповиновение, восстание, революция) в зависимости от того, какие средства она применяла на протяжении определенных периодов времени. Любое государство в его пространственно-временных параметрах есть пересечение политического и гражданского отчуждения с мерой гражданского сопротивления. Это обстоятельство не учитывается большинством политических теорий, которые предлагают разные варианты властно-политической технологии.

Властно-политическая технология – это способность властвующих и подвластных применять методы насилия и манипуляции для достижения целей, правомерность и обоснованность которых дискуссионна. Сложно утверждать, что либеральный, консервативный, социалистический и марксистский проекты развития общества имели когда-либо на своей стороне абсолютное большинство человечества. Каждый лишь выдвигает свою гипотезу об идеальном состоянии общества и соотношении средств и целей по его достижению.

Эта гипотеза обычно «объективируется» в нормативно-ценностном порядке, который власть навязывает политической теории и практике. Однако соотношение средств и целей при реализации любого политического проекта остается вечной проблемой. В целях блокировки проблемы обычно используется социальная инженерия.

Для критического отношения к властно-политическим технологиям следует развести критерии силы и успеха власти. *Сила власти* – это отношение между общим числом властных приказов и числом действительно выполненных гражданами приказов. *Успех власти* – это критерий, позволяющий судить, насколько выполняемые гражданами властные приказы приводят к реальным состояниям, соответствующим замыслам властвующих. Чем более крупны и широки по охвату властные замыслы, тем меньше шансов их реализации. Между социальными проектами, властными замыслами, приказами и реальными состояниями всегда существует пространственно-временной зазор. Это – мера утопичности политики, от которой не может целиком освободиться никакая власть. Власть тем меньше эффективна, чем больше при реализации своих проектов и замыслов использует средства насилия и манипуляции. Традиционное политическое воображение обычно отождествляет данные критерии и трактует власть как творческое начало при реализации любых идей и проектов. В итоге возрастает политическое и гражданское отчуждение.

Любые трактовки власти как «рационального действия» тоже смешивают данные критерии и не являются истинными, хотя широко распространены в социальных науках и властно-политической практике. Это свидетельствует о том, что власть всегда обладает тенденцией к десоциализации граждан и превращению науки в средство собственной апологетики. Универсальный интерес любой власти – максимальное расширение сферы регуляции. Поэтому наибольшим доверием пользуется наиболее репрессивная власть, которая использует манипуляцию гражданами как вспомогательное средство.

Стремление повелевать и подчиняться есть выражение животного (а не социального, творческого, духовного) начала в человеке. Властно-политические технологии выражают животное начало, поскольку никаких универсальных средств его искоренения еще не придумано. Ни одна из религий и государств пока даже не ставит такой задачи.

Большинство социальных теорий используются для обоснования идеологии власти. Такая идеология извращает отношение власти и граждан, скрывая следующие социальные факты: отношение власти и граждан обычно опирается на насилие и манипуляцию; интерес власти – подчинение общества до пределов возможного и самостоятельное определение этих пределов; деление людей на властвующих и подвластных вечно, а общность их интересов – явление случайное и выполняет служебную роль в политических системах. Ни одно государство не смогло «отменить» эти факты. Поэтому любая государственная власть может заслоняться разными идеологиями. Они обычно систе-

матизируют мотивы, с помощью которых жители всех государств оправдывают собственное послушание и сервиллизм перед силой, на которую они либо не имеют влияния, либо одной силе и манипуляции вынуждены противопоставить другую силу и манипуляцию.

Если признать истинность теорий цивилизационных циклов, то любая власть в равной мере может быть признана одновременно легитимной и нелегитимной. Для распрямления форм политического и гражданского отчуждения социальные науки нуждаются в независимости от экономической и политической власти, а также от форм ее идеологического прикрытия. Массы нуждаются в способности к гражданскому сопротивлению во всех пространственно-временных координатах, где и когда власть использует хотя бы один метод насилия и манипуляции, если он выходит за пределы соблюдения элементарных форм человеческого общежития.

Я рассматриваю историю Московского княжества, Российской империи и СССР как процесс аккумуляции господства. Уже на рубеже XIX-XX вв. «отсталая царская Россия» применяла такие способы воздействия на экономику, к которым «передовой Запад» пришел лишь полстолетия спустя. В СССР после 1917 г. сложился класс тройного господства, который сосредоточил в своих руках экономическую, политическую и идеологическую власть.

В советское и постсоветское время социальные науки России и стран Запада широко культивируют ленинские, социал-демократические и либеральные догмы. Все они в большинстве случаев используют телеологию при обсуждении процессов социально-исторического развития и заканчиваются территориальным противопоставлением Запада и России. После 1991 г. это противопоставление стало универсальным. В результате отечественная социальная наука отброшена почти на двести лет назад. Эта тенденция укрепляется за счет использования тех схем эмигрантской и западной социально-философской мысли, в которых история России XX в. трактуется как воплощение «тоталитаризма» или «модернизации».

Данные схемы и шаблоны объясняются тем, что большинство социальных теоретиков в России и на Западе пока не освободились от связи с комплексом «власть-собственность-идеология». У социальных теоретиков не хватает мужества порвать все связи с официальным миром власти, денег и массовой культуры. Толпы западных интеллектуалов и русской интеллигенции по-прежнему хотят жить под крышей власти и богатства. Большинство в этой толпе не может освободиться от культа государства и этактистских иллюзий. Однако материальное своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству никогда не были благородными человеческими побуждениями. Чтобы обнаружить их низменность, надо исходить из принципиального различия мотивов и реальных следствий человеческой деятельности.

Для анализа данных различий социальная наука должна отбросить иллюзии органичности государства и обосновать антиэтактистскую познавательную

практическую установку. Однако индивиды и группы, профессионально занятые в политико-управленческих и идеологических сферах, преобразуют своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству в «норму» социального и политического бытия людей. На этой основе формируется квазиполитика [2].

Квазиполитика – это следствие отождествления единичных, групповых и общих интересов с историческими и политическими формами их институционализации. Социальные и политические институты преобразуют интересы в формальные действия и ликвидируют возможность теоретического обсуждения и практического решения проблем политического и гражданского отчуждения. Государственная власть при этом квалифицируется как универсальное явление, а социальные конфликты власти и граждан осознаются и решаются в пользу существующего здесь и сейчас государства. Квазиполитика создает и культивирует мнимые формы участия граждан в политике, ступает абстрактные характеристики индивидов, а государство транслирует конфликты социального и политического бытия индивидов. Политико-управленческая деятельность – есть множество случайных актов и событий, выступающих в упаковке «государственных интересов», «государственной необходимости» и т.д. [3: 302-405].

Политическая и властно-управленческая деятельность не создают ни материальных, ни духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяют. Однако критерии справедливого распределения были и останутся дискуссионными. Чтобы снять эту дискуссионность, политическая и властно-управленческая деятельность претендуют на главную роль в обществе и способствуют этатизации социально-политической мысли. Для критического отношения к данной тенденции требуется такое описание всех социальных конфликтов, которое было бы свободно от материальных, политических и идеологических интересов, т.е. от любых форм связи власти с собственностью и идеологией. Осуществить эту задачу крайне сложно, поскольку требуется отрыв сознания от институционализированных социальных и политических форм, а также от иллюзорных форм отражения действительности. В этом смысле антиэтатистская методология может быть только тотальной. Ее состав определяется совокупностью конфликтов социально-политического бытия.

Антиэтатистская методология связана с определенным политическим идеалом, который не тождествен ни идее (ценности) государства, ни реально существующим государствам, ни способам распределения в них власти, ни этатистским политическим теориям. Любая связь власти с собственностью и идеологией при создании такого идеала квалифицируется как абсолютно отрицательная ценность. В реальных государствах власть абсолютно или относительно неподвижна, а собственность или идеология только укрепляют эту неподвижность. Все проекты переустройства общества по либеральным, консервативным и социалистическим сценариям не свободны от указанных связей и потому являются вариантами квазиполитики.

Политическая история России и русской политической мысли – один из показательных примеров этатистской традиции. Проблема сводится к выработке индивидуальных и групповых программ сопротивления этой традиции.

Политика в области науки. В статье 44 Конституции РФ записано: «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Между тем события и процессы в современной России развиваются в ином направлении [4]. Власть нарушает право на свободу научного творчества, записанное в «Конституции РФ», и способствует деградации научной культуры страны. В таких условиях классическое право сопротивления (*jus resistendi*) фиксирует серьезное отношение ученых к своему достоинству, условиям труда и жизни.

В общем виде свобода научного творчества есть возможность использования учеными следующих свобод:

- устного и письменного высказывания о состоянии дел в науке, обществе и политике;
- выбора тем, проблем, теоретико-методологической ориентации, когнитивной и философской перспективы;
- взаимодействия для создания и определения значения познавательных ценностей;
- создания обществ и союзов, защищающих интересы ученых; воспитания и образования новых поколений ученых.

Все эти свободы систематически нарушались в Российской империи, СССР и не соблюдаются в современной России. Значит, при реализации всех свобод требуется независимость от власти. Проблема сводится к определению меры такой независимости, включая независимость от текущих интересов и потребностей общества. В частности, советская политика в области науки может быть обозначена как комплекс следующих приемов и процедур:

- цензура на основе установленных властью идеологических и политических критериев;
- составление и применение гласных и негласных инструкций, позволяющих репрессировать и дискриминировать лиц, получивших негативную оценку партийных структур;
- оценка партийным аппаратом кандидатов на должности, награды, ранги, премии, субсидии на основе принципов неясности и конформизма;
- отрицательная оценка лиц, поведение которых нарушало верноподданность;
- отбрасывание идеала объективной истины при определении целей и задач науки;
- целенаправленное вмешательство в научную жизнь (в виде кампаний апологетики или диффамации конкретных лиц и целых научных направлений, вплоть до расистской ксенофобии).

Так было во времена СССР. Особая проблема состоит в описании механизмов воспроизводства указанных приемов и процедур. Так, сегодня в России расходы на науку таковы, что это затрудняет или полностью исключает свободу научного творчества.

Свободы науки нет, если:

- нет средств для проведения научных исследований, вытекающих из современной проблемной ситуации или подтверждающих преимущество эпистемологической, технологической и гуманистической функций науки;
- финансово затруднены научные (прямые и опосредованные) коммуникации и издание научных публикаций;
- не обеспечена достойная жизнь ученого на таком уровне, когда побочная деятельность дополняет научную работу, а не превращается в основную.

Научная культура – это состояние общества, тождественное постоянному, всеобщему и значимому присутствию научного знания на всех социальных полях. Общество не обладает научной культурой, если:

- академический уровень страны ниже мирового;
- расходы на научную и педагогическую деятельность ниже мировых стандартов;
- популяция кандидатов на профессии ученого и педагога не позволяет выбрать достойных наследников мастеров из сообщества учеников;
- сеть университетов не тождественна центрам, в которых есть научная среда для нормального развития.

Современная Россия не является обществом высокой научной культуры и постепенно отдаляется от ее мировых стандартов. Политики в отношении науки нет, хотя бумаг в виде законов и постановлений вышло множество. Одновременно, на многих постах находятся люди с дипломами кандидатов и докторов наук, членов-корреспондентов и академиков. Видимо, руководители государства не хотят всерьез заняться вопросами: кем должны быть ученые в России и должна ли быть в ней наука?

Общая ситуация выглядит следующим образом. Вопросы науки рассматриваются и решаются без участия ученых. Нарушается правило использования экспертиз о структурном и функциональном характере науки как культуротворческом факторе развития общества. Не учитываются потребности ученых, большинство которых не имеет средств на достойную жизнь и научную и педагогическую деятельность. Пренебрегается специфика науки как формы знания, познания и творчества. Происходит полное отождествление университетов и научных институтов с супермаркетами, бюро услуг и другими конторами, работающими по заказам клиентов. Отсутствует понимание того, что свобода науки – это комплекс механизмов пользования свободами, образующими состояние свободы.

Большая ложка или окопная правда? Законность и польза – необходимые условия одобрения и выполнения решений власти. Отсутствие законности

бросает тень на знание дела, эффективность действий и пользу выполнения решений. Беспольность порождает проблему моральной, интеллектуальной и технической квалификации властвующих. Законность властепредержащих сомнительна, когда они не умеют и не хотят быть полезными для общества. Отсюда же вытекает проблема выполнимости их решений. Отказ может быть пассивным или активным сопротивлением. Фронт такого отказа может состоять из плана и движения сопротивления.

То и другое можно составить на основе определения реального положения науки, ученых и управления наукой в стране. Причем, это знание имеет лишь косвенное отношение к официальным бумагам по данному предмету. Надо исходить из того, что в состав политики, законодательства и управления не входят решения о реальном научном поиске – комплексе познавательных стремлений, форм выполнения познавательных действий и применяемых при этом теориях и методах. Принятие решений о науке – это комплекс процедур, не мешающих ей развиваться в любых направлениях. Речь идет об установлении законов, функциональных в отношении научного познания, и выделении средств для его функционирования.

Внутренние дела науки есть предмет самоуправления ученых, автономии научного познания. Власть должна отвечать только за функциональность законов и выделение на науку средств для обеспечения механизмов научного поиска. Их легитимность зависит от гарантирования бюджета, оборудования, зданий, штатов, кадров для соблюдения условий существования науки в системах экономики, культуры и государства.

Настоящее состояние вещей в российской науке – продукт властных решений. Оно дисфункционально с точки зрения потребностей и задач науки и способствует развитию следующих феноменов:

1. Расцвет теневой жизни ученых – выбор коррупции как нормы поведения, мнимо-научная деятельность, занятие другими видами деятельности, дающими доход.

2. Отток из науки значительного числа людей, придающих вес собственному социальному (а не научному) статусу. Эти люди переходят на другие поля активности, эмигрируют путем прямого или косвенного взаимодействия с механизмами утечки мозгов, бросают отечественную культуру.

3. Создание предпосылок для движения сопротивления.

Государственная политика в области науки бесполезна или вредна для ученых. Она закрепляет раздел сферы науки на мир политических и мир научных ценностей (целей). В традиции социальной и политической мысли такое состояние вещей называется делением на мир политиков и мир людей содержательной компетентности. Первые стремятся реализовать свои доктрины и планы независимо от потребностей науки и общества. Другие отстаивают формулу: не существует никакой другой науки кроме той, которой занимаются

с полной самоотдачей как главной целью жизни, располагая средствами на познавательную деятельность.

В России вторичная институционализация науки после 1917 г. сформировала следующие нормативно-ценностные структуры поведения отечественных ученых: отсутствие автономии и самоорганизации; определение (зачастую) приоритетов развития науки политической и академической бюрократией; конфликт между гражданским и профессиональным статусом ученых. Современная отечественная наука есть воплощение английских (колониально-имперских), французских (революционно-бюрократических) и российских (самодержавно-бюрократических) интересов и амбиций власти и ученых. Поэтому в России нет нормального научного сообщества. Министерства и ведомства заполняются лицами с научными степенями и званиями. В верхней и нижней палатах Думы, Общественной палате и прочих конторах и синекурах тоже сидят остепененные карьеристы обоих полов. Мотивацию их карьерного продвижения условно можно подразделить на следующие группы:

1. Представители власти считают политический театр выгоднее театра научной жизни. Но на всякий случай или для продвижения на рынке политических карьер приобрели научные степени и звания.

2. Представители партий относятся к науке в соответствии с требованиями партийной тактики и стратегии.

3. Специалисты разных дисциплин пошли во власть на основе собственного представления о своих умениях и целях.

Не надо особо доказывать, что члены первой и второй категории либо не имели ничего общего с наукой в строгом смысле слова, либо решительно порвали все корни с ней. Они культивируют иной ценностный порядок по сравнению с ценностным порядком участников битвы (или «игры», как сказал бы Л.Витгенштейн) за научную истину. Их можно назвать мнимыми учеными, которые прикрываются учеными степенями и званиями, но не соблюдают элементарные нормы научного этикета. Благодаря связям в политических кругах они могут выторговать разнообразные виды *modus vivendi* и даже устойчивый мир между учеными и политиками. Но такая торговля ведет к отказу от принципов и капитуляции научного этикета¹.

Люди третьей категории пытаются избежать дискомфорта, обусловленного конфликтом ролей политика (законодателя, управленца) и ученого. Им

¹ В свое время кардинал Ришелье изобрел концепт государственного разума (*reason d'etat*), который не равнозначен отбрасыванию научного разума (*reason d'science*). Действительно, в правовой демократии *reason d'etat* требует, чтобы *reason d'science* был приспособлен к интересам нации или государства, которые (интересы) интерпретирует правительство. Этот шаблон мысли до сих пор является бродячим сюжетом в большинстве работ, посвященных отношению между политикой и наукой. Внесу одно уточнение. Мне уже приходилось писать, что государственный разум в единстве с законом иерархии и «теорией» деления граждан на два класса – активных и сознательных (занятых в государственном аппарате) и пассивных и несознательных (не принадлежащих к государственному аппарату) образует элемент бюрократических отношений между обществом и правительством, а также отношений внутри правительства и аппарата управления. Поэтому всякая ссылка на некие «высшие государственные соображения» ведет к маскировке конфликта между политикой и наукой.

кажется, что они ведут себя иначе в статусе ученого и в статусе политика. Они хотят быть слугой двух господ. Наука требует быть хорошим специалистом. Политика приказывает защищать *raison d'état*. Достаточно провести границу между ними, как снимается конфликт указанных ролей, и проблема идентичности политиков и ученых. По сути, такое рассуждение обосновывает двоение.

Правда, некоторые осознают: политика не терпит конкуренции и требует быть ее преданным слугой. Но они ощущают принадлежность к ученому миру. В их сознании возникает идея такой ложки, которой можно хлебать вместе с чертом из одной кормушки. Однако спустя некоторое время возникает «задний ум»: такой ложки не существует. Нахлебники непричастны к миру битвы за научную истину по причине их измены главной норме научного этоса, которая требует не иметь ничего общего с людьми, способствующими деградации науки.

Итак, разрыв между политикой в отношении науки и требованиями научной культуры раздваивает социальное пространство на политиков (чиновников) и ученых (воспитателей ученых). Состояние раздвоенности ставит перед каждым человеком с научной степенью и званием проблему выбора: принадлежать к политикам (чиновникам) или быть верным научному этосу? Эта ситуация позволяет проверить на верность научному этосу всех, кто номинально является ученым.

Раздвоение на политику и науку появляется там, где «командиры науки» руководствуются иной концепцией бытия и функции науки и статуса ученого по сравнению с действительными окопными «солдатами науки». Вследствие противоположности этих концепций образ политика и чиновника в сознании многих ученых тождествен человеку, принимающему вредные для науки решения. Такова окопная правда натуральных российских ученых. Я пока не слышал, чтобы кто-нибудь из прошлых и современных политиков и чиновников добровольно отказался от научных степеней и званий. Значит, они хотят существовать и действовать в политико-административном мире. И потому должны осознать факт собственного систематического обмана ученых, журналистов и граждан, от имени которых действуют. Формы такого самообмана (самооправдания) могут быть предметом художественной литературы и социологии науки.

Проблема терапии научной жизни. Ученые, с моей точки зрения, имеют право на сопротивление при условиях: власть не обеспечивает свободу научного творчества в конституционном смысле слова; принимает бесполезные (вредные) для науки и ученых решения; политический курс правительства в отношении науки дисфункционален; круг авторитетных ученых (на основе мнения специалистов-научковедов) определяет ситуацию как основание для реализации права на сопротивление. Если властвующие связывают некомпетентность и дисфункциональность с невежеством и произволом, то основанием формиро-

вания фронта отказа является элементарная норма научного этоса о профессиональной ответственности ученых.

Такая профессиональная ответственность связана с соблюдением следующих условий:

1. Социальные нормы обязывают ученых исполнять действия, связанные с профессией научного работника.

2. Эти действия (или бездействие) влияют на социокультурную реальность (уровень научного знания, квалификация ученых, характер действительных функций науки).

3. Анализ положения дел приводит к выводу: ученые нарушают профессиональные нормы, что негативно влияет на социокультурную реальность.

4. Научное сообщество стоит перед выбором реакции по возмещению вреда, поскольку нарушение профессиональных норм наносит ущерб науке – т.е. достоинству, без соблюдения которого исчезает легитимность науки в целом или ухудшены условия соблюдения профессиональных норм.

5. Существуют законы об ответственности за нарушение указанных норм – т.е. измену научному этосу.

Иначе говоря, структуры измерения справедливости в отношении любого властного решения должны установить: нанесен ли вред науке? в чем он состоит? связан ли он с выполнением профессии ученого? кто отвечает за нанесение вреда? какова мера и сфера ответственности ученых?

Без надлежащих юридических образцов мысли и действия невозможно достичь такой профессиональной ответственности ученых, которая позволяет рассматривать ее как частный вопрос социального контроля научного сообщества над отдельными лицами и группами внутри и вне науки. Идея такого контроля давно высказана М.Оссовской. Она считала, что вместо умножения профессиональных этических кодексов надо детально изучить вопрос о социальных и политических источниках и следствиях множества нарушений традиционных принципов профессиональной морали ученого. Но в отличие от М.Оссовской я полагаю: при рассмотрении случаев нанесения вреда науке путем действия (бездействия) надо использовать (*mutatis mutandis*) комплекс правовых категорий – вина, вред, нанесение и возмещение ущерба, обязанность, мошенничество, права субъекта, иск, удовлетворение иска.

Профессиональная ответственность ученых – это ответственность за последствия действий при выполнении профессии научного работника. Можно выделить три вида ответственности:

- за продукты профессиональной деятельности – познавательные ценности, использование которых влияет на удовлетворение человеческих потребностей и решение социальных проблем;

- за воспитание и образование учеников;

- за соблюдение условий выполнения профессии.

Такая ответственность возлагается на всех, у кого есть дипломы и аттестаты о научных степенях и званиях.

Политики, законодатели и администраторы часто не соблюдают ответственность ни в одном смысле слова. Поэтому надо квалифицировать их измену научному этосу как умышленное действие, со всеми вытекающими последствиями. Властвующие сохраняют свои научные степени и звания, но принимают вредные для науки и ученых решения. Одновременно с помощью публичной риторики (в состав которой все более входит законодательство) научные работники принуждаются выполнять принятые указы и доверять властвующим. Все это я предлагаю рассматривать как разновидность истории об охоте на зайца.

Подобно ровесникам, я в детстве читал «Лесную газету» В.В.Бианки. До сих пор помню, что для зайца самым безвредным является охотник, который стреляет направо и налево и прет напролом. Значительно опаснее приносивающийся пес, а еще более – маленькая собачка, переодетая в шкуру зайца. Но наиболее опасен настоящий заяц, выдрессированный для того, чтобы привлекать других зайцев под стволы ружья.

Ученые были и остаются реальными зайцами. Всю современную политико-управленческую сферу я предлагаю рассматривать как дрессированных зайцев. Таковы реальные основания для того, чтобы ученые использовали *jus resistendi* – право сопротивления как последний аргумент в отношении власти. Я не буду здесь подробно описывать способы и средства его применения. Меня более интересует проблема морали во время реализации права сопротивления. Разделение на политиков и ученых и *jus resistendi* последних следует понимать как тест проверки на верность научному этосу. Мораль множества техник сопротивления может базироваться на следующих правилах конституирования солидарности его участников:

1. Поляризация – постановка ученых перед выбором между политико-административной и научной деятельностью. На этой основе проверяется их отношение к норме солидарности между участниками битвы за истину в вопросах бытия науки и статуса ученых.

2. Остракизм в отношении тех, кто в конфликте политики и науки пытается связывать верноподданность с принадлежностью к среде, мораль которой определяется научным этосом.

3. Информация всего научного сообщества о всех конфликтах, риторике и стратегиях поведения политиков, законодателей и администраторов при решении конкретных проблем. Прежде всего – о последствиях проигрыша или отказа от права сопротивления. Такая информация нужна для обсуждения данной проблемы всеми заинтересованными участниками. Обсуждение необходимо для уяснения причин права использования сопротивления и актуального раздвоения на политико-административную и научную деятельность в конкретных сферах науки.

4. Политизация – показ конфликта как значимого для общества. Дегра-ция науки имеет фундаментальное значение для научной культуры общества, в котором граждане живут, учатся и работают.

Раздвоение на политику и науку – характеристика современной реально-сти. Право сопротивления есть выбор правильной позиции. Политики и чи-новники обычно связывают свой политический курс с убеждением научного сообщества. Для этого они используют целую орду спичрайтеров, экспертов, публицистов, чьи выводы обычно содержат оптимистические образы мира и призывы к гражданскому единству властвующих и подвластных. Напомню, что апелляция к групповым интересам и идеалам – классическая техника раз-рушения морали тех, кто сопротивляется.

Автономия ролей исследователя, педагога и эксперта присуща обществу, в котором плюрализм, полицентризм и полиморфизм – конститутивные ком-поненты социального порядка. Я думаю, борьба за существование науки и ста-тус ученых должна проводиться под девизом: «Ни одного решения без нашего участия». Надо заменить административную централизацию действительным самоорганизацией и гражданским просвещением ученых. Социальный поряд-ок российского общества как «машины и винтиков» (М.Геллер) надо раз и навсегда перечеркнуть. Заменить архипелагом множества автономных сфер с признанием их прав. Роль государства в этом случае сводится к устранению помех для развития научной культуры.

В заключение отмечу, что научные учреждения должны оставаться ме-стом, в котором изучают, обсуждают и осмысливают проблемы, сходные для различных культур и пространств. Усиление тенденции превращения научных учреждений в топосы, в которых насаждают или решают социальные и поли-тические вопросы, угрожает потерей научными учреждениями своих функций и превращением их в придаток государственной машины или властвующих партий. Поэтому проблема применения теории коллаборационизма к объяс-нению поведения ученых становится центральной.

Литература

1. Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд-во СКНЦВШ. 1998.
2. Макаренко В.П. Квазиполитика и проблема политических объектов // Вестник МГУ. Сер. полит. наук. 1998. № 2 – 3.
3. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011.
4. Учёный и власть. Круглый стол 12.11.2009 г. – СПб.: СПбГУП, 2010.